

УДК 902/904

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ И КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЕТРОГЛИФОВ НИЖНЕТОМСКОГО ОЧАГА
НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА (историография вопроса)**

А. Г. Марочкин, К. В. Конончук

**ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES, AND CULTURAL AND CHRONOLOGICAL INTERPRETATION
OF THE PETROGLYPHS LOCATED IN THE LOWER TOM' RIVER ROCK ART AREA
(historiographical review)**

A. G. Marochkin, K. V. Kononchuk

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Периодизация археологических древностей юга Нижнего Притомья», проект № 14-11-42008.

В работе выполнен историографический обзор исследований наскальных изображений Нижнего Притомья. Проведен анализ концепций и гипотез о культурно-хронологической принадлежности петроглифов Нижнетомского очага наскального искусства, представленных в работах отечественных исследователей 1960-х – 2010-х гг. Обобщен опыт привлечения археологических данных для культурно-хронологической интерпретации наскальных изображений Нижнего Притомья. Обосновано соотнесение выделенных культурно-хронологических комплексов региона с петроглифами нижнетомских писаниц.

The paper focuses on historiography of Lower Tom' River rock art area researches. The authors analyze conceptions and hypotheses about the cultural and chronological identity of the Lower Tom' River rock art area petroglyphic complexes presented in scientific works by Russian researchers of the 1960s – 2010s. The paper generalizes the experience of using the archaeological complexes for cultural and chronological interpretation of rock art images in Lower Tom' River region, and validates the association of the cultural and chronological complexes of the region with the petroglyphs from Lower Tom' River rock art sites.

Ключевые слова: Нижнетомский очаг наскального искусства, археологические комплексы, культурная принадлежность, хронология, историография.

Keywords: Lower Tom' River rock art area, archaeological complexes, cultural identity, chronology, historiography.

Петроглифические комплексы Нижнего Притомья, такие как Томская писаница, Крутая 1 и Крутая 2, Новоромановская 1 и Новоромановская 2, Висящий камень, Никольская и Тутальская писаницы, хорошо известны специалистам. Памятники компактно располагаются на северо-западной периферии саяно-алтайского горного массива, образуя уникальный для Западной Сибири Нижнетомский очаг наскального искусства [12]. Общая история изучения нижнетомских писаниц достаточно подробно рассмотрена в ряде работ, в том числе монографических [13; 15 – 20; 29 – 31; 51].

Историография хронологии томских писаниц

За период с начала 1960-х гг. сложилось три основных подхода к решению проблемы культурно-хронологической интерпретации памятников, в рамках которых те или иные комплексы изображений датировались эпохой неолита (в первую очередь, изображения лося); различными периодами бронзового века (преимущественно, антропоморфные изображения и личности и изображения лодок, или кулайским периодом раннежелезного времени.

Система аргументов в поддержку неолитического возраста ряда нижнетомских петроглифов сформировалась не позднее первой половины 1970-х гг. [1 – 2; 8; 35; 42 – 43; 46; 48; 51 – 52]. В её основе, как правило, лежало стилистическое сравнение зооморфных изображений Нижней Томи с предметами неолитической мелкой пластики Урала и Сибири (статуэтки лося из погребения у д. Базаиха, деревянные скульптуры из Шигирского и Горбуновского торфяников, кремневые

фигурки найденными у села Патроны на Ангаре и Туой-Хая на Вилное, головка медведя из Васьковского могильника и др.), а также на постулате о стадильном единстве писаниц Енисея, Ангары и Алтая. При этом, по справедливому замечанию И. В. Ковтуна, «практически неизменной оставалась линия хронологических привязок, которая была разработана А. П. Окладниковым еще в монографии, посвященной анализу шишкинских скал» [12]. Примечательно, что одновременно с пересмотром хронологии петроглифов Нижнего Притомья была «омоложена» Турочакская Писаница в Горном Алтае [47; 50]. Парадоксально, но факт – при достаточно архаичной аргументации в пользу неолитического возраста нижнетомских писаниц (последние такие работы датируются 1990-ми гг. [2; 44]), данная точка зрения широко тиражируется в околонаучной публицистике и при популяризации собственно Томской Писаницы. Например, вот цитата с главной страницы сайта Музея-заповедника «Томская Писаница»: «Самые ранние рисунки относятся к концу неолита 3 – 4 тыс. до н. э. это – лоси, медведь, антропоморфные существа, знаки солнца, птицы, лодки» [54]. Идентичное, в сущности, утверждение представлено на презентационной странице музея на сайте конкурса «Россия 10».

Датирование нижнетомских петроглифов различными периодами эпохи бронзы также зафиксировано в публикациях 1960 – 2000 гг. Изображения лосей стилистически связывались с окуневскими древностями, что впервые было предложено А. А. Формозовым [56, с. 70, 77, 81; 57, с. 84 – 86, 101 – 102, 110 – 112]. Позднее к подобным выводам пришли Н. В. Леонтьев,

М. А. Дэвлет [32, с. 100 – 104; 9, с. 53 – 60]. С. В. Студзицкая в конце 1980-х гг. резюмировала аргументы, предложенные сторонниками датирования изображений лосей эпохой бронзы [55, с. 325 – 326].

И. В. Ковтуном выделена нижнетомская изобразительная традиция эпохи бронзы – постсамумьского времени (начало второй половины II тыс. до н. э.), включающая несколько компонентов. Анализ серии палимпсестов и стилистических особенностей изображений привёл автора к убеждению об отсутствии петроглифов неолитического времени на Нижней Томи. Поэтому нижнетомские петроглифы рассматриваются, главным образом, в контексте генезиса изобразительных традиций эпохи бронзы на юге Западной Сибири [12, с. 16 – 20], с возможностью более позднего возраста «отдельных геометризованных и вычурных форм» [Там же]. Последовательно отрицая неолитический возраст петроглифических памятников на Томи, И. В. Ковтун дополняет свою аргументацию в ряде последующих работ [26; 27, с. 356 – 357; 28, с. 89 – 93; 25], написанных в соавторстве.

Исследователи, утверждающие о принадлежности части нижнетомских петроглифов к кулайскому времени, опираются на стилистическое сходство наскальных изображений и предметов кулайского бронзового литья [58, с. 105; 51, с. 242; 3, с. 27; 7, с. 161; 55, с. 325; 33, с. 19; 43, с. 22 – 23 и др.]. По мнению И. В. Ковтуна, такой подход отражает возможную связь нижнетомского наскального искусства с автохтонной, генетически близкой традицией [16, с. 24]. Это отчасти подтверждается гетерогенным характером кулайской изобразительной традиции, генетически связанной с более ранними компонентами.

Таким образом, наибольшую дискуссионность приобрела проблема нижней хронологической границы возникновения Нижнетомского очага наскального искусства, при общепризнанном факте его длительного, трансэпохального существования. Отметим, что атрибуция петроглифов в системе археологических культур зачастую не рассматривалась в качестве первоочередной задачи, а культурные параллели использовались преимущественно для эпохально-хронологической интерпретации писаниц.

Комплексные исследования петроглифических и археологических памятников в отечественной историографии

Рассмотренные выше точки зрения, при всей разнице конечных выводов, основаны главным образом, на анализе стиля рисунков и стилистических сравнениях с предметами искусства, что остаётся общим уязвимым местом. Современная тенденция в интерпретации петроглифов предполагает обращение к материалам близлежащих археологических памятников. В данном случае также нужно отметить два взаимосвязанных подхода.

Первый заключается в логичной корреляции локальных и региональных культурно-хронологических схем с результатами стилистической группировки наскальных изображений, когда знание о культурно-хронологическом контексте («фоне») писаниц формирует базис для культурно-хронологической идентификации той или иной группы рисунков. Второй подход

дополняет первый, и заключается в установлении функционально-семантического тождества собственно археологических и петроглифических памятников в местах их компактной дислокации, и их изучение как единого культового комплекса.

В фундаментальной работе А. И. Мазина «Тажские писаницы Приамурья» аккумулирован опыт раскопок жертвенников, расположенных непосредственно у наскальных изображений. Обнаруженные у 17 петроглифических местонахождений, зачастую небольшие по площади, эти объекты все же дали необходимый материал для корреляции с выделенными изобразительными стилями. Результатом совокупного изучения стала история развития наскальной живописи Приамурья с палеолита до Позднего Средневековья [34, с. 151].

Известен удачный опыт исследования культового комплекса Куйлю в Горном Алтае, когда стилистико-хронологический и семантический анализ изображений писаницы Кучерла-1 в совокупности с изучением предметов из прилегающих участков культурного слоя позволили создать комбинированную культурно-хронологическую колонку от энеолита до этнографической современности [49]. Схожий принцип применен при интерпретации Киинских писаниц в Хабаровском крае, когда выявленные в окрестностях памятника разновременно-разнокультурные поселенческие комплексы служат основанием для анализа «единых культовых центров длительного функционирования» [45, с. 77]. Опыт подобных комплексных исследований есть и для памятников Нижнетомского очага наскального искусства.

Археолого-петроглифические исследования в Нижнетомском очаге наскального искусства

Как уже отмечалось, археологическая изученность южных районов Нижнего Притомья, географически совпадающего с Нижнетомским очагом наскального искусства, остается относительно низкой. Это очевидно при сравнении с сопредельными районами северной части Нижнего Притомья и Кузнецкой котловины [4; 36; 38]. Сейчас на этой территории известно более 20 археологических местонахождений, шесть из которых изучены раскопками. В то же время, результатами изысканий, проведенных в 1990 – 1991 гг. экспедицией Музея-заповедника «Томская Писаница», а в 2005 – 2014 гг. – Кузбасской археологической экспедицией ИЭЧ СО РАН, была заложена основа локальной культурно-хронологической схемы (неолит – палеометалл), определяющей археологический контекст писаниц Нижнетомского очага наскального искусства.

1. Период развитого неолита: изылинский тип керамики (первая половина V тыс. до н. э.). Представлен в керамической коллекции стоянки Долгая 1 [40].

2. Период позднего неолита и энеолита (вторая половина V – начало IV тыс. до н. э.): керамика и каменный инвентарь кипринско-ирбинско-новокусовского культурного массива и игрековского типа. Представлены в материалах раскопок стоянки Долгая 1 и поселения Долгая 2 [40]. Данный комплекс позволяет судить о маргинальном характере южных районов Нижнего Притомья, как места соприкосновения поздненеолити-

ческих культурных ареалов Кузнецкой котловины, Новосибирского и Томского Приобья [37, с. 26 – 27].

3. Период ранней – начала развитой бронзы (конец III – первая половина II тыс. до н. э.): керамика, каменный инвентарь и предметы бронзолитейного производства крохалевской культуры. Представлены в материалах стоянки Долгая 1, поселений Долгая 2, Ивановка 1, Ивановка 2 [25; 41].

4. Начальный период развитой бронзы (середина и вторая половина II тыс. до н. э.): керамика самусьской культуры и гребенчато-ямочного комплекса. Представлены в материалах стоянки Долгая 1 и поселения Ивановка 1 [11, с. 103; 5; 19, с. 288; 20, с. 31 – 35, 111 – 121].

5. Поздняя бронза и переходное время от эпохи бронзы к эпохе раннего железа (конец II – первая половина I тыс. до н. э.): керамика ирменской культуры и керамика с крестово-щтамповой орнаментацией. Представлены в материалах поселения Писаная 1 [4], стоянки Долгая 1 [5] и поселения Синеречка 1 [39].

6. Период раннего железа (вторая половина I тыс. до н. э.): фрагментированная, на данном этапе не поддающаяся достоверной культурной атрибуции керамическая коллекция стоянки Долгая 1, находящая определенные аналогии в материалах скифо-сибирских культур западносибирской лесостепи [5]. Чрезвычайно важным результатом стало обнаружение и исследование культового комплекса кулайской культуры на поселении Ивановка 1, единственного в Кузнецком Приобье [53].

Все перечисленные памятники расположены на участке от Томской писаницы до писаницы Висящий Камень, иногда в непосредственной близости от петроглифов. Уникальным для Нижнетомского очага наскального искусства представляется взаиморасположение поселенческо-культового памятника Долгая 1 и Новоромановской писаницы [22; 23], находящихся в непосредственной близости друг к другу. Таким образом, сформирована объективная возможность для комплексного изучения петроглифических и собственно археологических комплексов.

Первый и пока единственный опыт корреляции результатов археологических и петроглифических материалов предпринят в ходе изучения местонахождений в устье р. Долгая – стоянок Долгая 1 и Долгая 2 и Новоромановской писаницы. Наличие в слое стоянки Долгая 1 практически всех вышеперечисленных культурно-хронологических комплексов, а также следов древних ритуальных практик позволило применить их для установления хронологии и культурной атрибуции Новоромановской писаницы.

Несмотря на присутствие в культурном слое стоянки неолитических материалов, первоначально возможность их привлечения для датировки рисунков была отвергнута. Разрозненность и малочисленность фрагментов неолитической посуды изылинского типа не предоставила очевидных причин для пересмотра изложенной выше аргументации против неолитического возраста даже наиболее ранних композиций. Более того, отвергалась даже возможность их энеолитической датировки [25, с. 88]. Ситуация отчасти изменилась после обнаружения в 2011 г. под культурным слоем скального фриза со стилизованным изображением лодки [22]. Планиграфический и стратиграфический анализ археологического контекста позволил обозначить

достоверный хронологический диапазон теоретически возможного (!) нанесения изображения. Нижняя теоретически возможная хронологическая граница маркируется кипринско-ирбинско-новокусковскими материалами позднего неолита-энеолита, верхняя – материалами крохалевской культуры периода ранней бронзы. Зафиксированная ситуация не отменяет ни одной из дискуссионных позиций, сохраняя первоначальное значение стилистического анализа собственно изображений. В данном случае была подробно изложена версия крохалевской принадлежности наиболее ранних рисунков Новоромановской писаницы.

С крохалевским пластом, помимо указанного изображения лодки, И. В. Ковтуном был соотнесен рисунок парциальной окуневской личины, как маркер синстадиального окуневскому культурного субстрата [25, с. 91 – 92]. В этом качестве действительно могут выступать крохалевские древности, так как накопленные источники свидетельствуют о синхронности крохалевских ложнотекстильных комплексов сейминским культурам Западной и Южной Сибири [21]. В пользу этого свидетельствует и радиоуглеродная дата для крохалевского сосуда стоянки Долгая 1, определяющая абсолютный возраст комплекса в пределах конца III – начала II тыс. до н. э. [53]. Подчеркнем, что работы последних лет, проводимые на поселении Ивановка 1, подтверждают наличие в районе крупных поселенческих комплексов крохалевской культуры, в том числе с признаками бронзолитейного производства [6].

Несмотря на находки самусьской керамики на Долгой 1 и одновременное отсутствие очевидных самусьских рисунков на Новоромановской писанице, они присутствуют двумя километрами ниже по реке – на писанице Висящий Камень. Обнаружение самусьских древностей на р. Томи, почти наверняка, связано с нижнетомским поселением Самусь IV [20, с. 24 – 36, 111 – 121, и др.], роль и место которого в эпохальных исторических событиях этого и прилегающих регионов трудно переоценить [14, с. 247 – 250].

С периодом поздней бронзы, а следовательно, с представленными на местонахождении Долгая 1 ирменскими древностями, отождествлены большинство геометризованных зооморфных изображений, что соответствует ранее высказанной точке зрения И. В. Ковтуна. Подтверждены изложенные ранее доводы о датировке в диапазоне от постсейминского времени до эпохи поздней бронзы антропоморфных изображений одной из плоскостей, аналогичных т. н. «пляшущим» человечка Томской писаницы [25, с. 92 – 93]. Зафиксированные на Долгой 1 остатки ритуальной трапезы в виде множества фрагментов конечностей лося, хронологически связанной с позднебронзовым комплексом, впервые позволили обратиться к семантической реконструкции ментальных практик отразившихся в ряде композиций Новоромановской писаницы [23; 24; 20]. Этот уникальный для Кузнецкой котловины случай, имеет только одну косвенную параллель, когда остатки уже не ног, а рогов лося были зафиксированы в андроновских погребениях со столбовыми конструкциями [10, с. 124, 130]. Рисунки рогатых лосей известны на томских писаницах и, вероятно, именно ноги и рога сохатых, помимо самого животного, являлись объектами ритуального поклонения у населения эпохи бронзы Кузнецкой котловины.

Литература

1. Аникович М. В. О культурной принадлежности неолитических памятников Верхнего Приобья // Этногенез народов Северной Азии: материалы конференции. Новосибирск, 1969. С. 62 – 64.
2. Баринаева Е. С. Висячий Камень – новый памятник наскального искусства в Нижнем Притомье // Современные проблемы исторического краеведения. Тезисы докладов. Кемерово, 1993. С. 21 – 24.
3. Бобров В. В. Сходство в изображении оленей из бронзы и на петроглифах // Материалы зонального совещания археологов и этнографов. Новосибирск, 1 – 3 декабря 1971 г. // Тезисы докладов и сообщений. Томск: ТГУ, 1972.
4. Бобров В. В., Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Археологические комплексы в Нижнетомском очаге наскального искусства // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2009. Т. XV. № 1. С. 214 – 219.
5. Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Исследования стоянки Долгая-1 на юге Нижнего Притомья (предварительные итоги) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2012. Т. 18. С. 170 – 174.
6. Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Панкратова Л. В., Конончук К. В. Поселение Ивановка-1 на юге Нижнего Притомья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2013. № XIX. С. 175 – 179.
7. Бородаев В. Б. О кулайских геральдических композициях // Археологические открытия на Алтае. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1987.
8. Бородкин Ю. М. Произведения изобразительного искусства из неолитических погребений Васьяковского могильника // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1976. Вып. 7. С. 99 – 108.
9. Дэвлет М. А. Бегущие звери на скалах горы Суханиха на Среднем Енисее // КСИА. 1982. Вып. 169.
10. Ковтун И. В. Андроновские погребения Урского могильника из раскопок Ф. И. Александрова (К открытию первого андроновского памятника в Кузнецкой котловине) // Методология и историография археологии Сибири. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994.
11. Ковтун И. В. Восточная периферия самусьской культуры и изображения медведей в западно-сибирской скульптурной миниатюре и металлопластике II тыс. до н. э. // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (35). 2008.
12. Ковтун И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы на юге Западной Сибири: (Нижнее Притомье и сопредельные регионы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1995. 21 с.
13. Ковтун И. В. Начало российской петроглифики: пролог // Материалы исследований древней, средневековой и новой истории Северной и Центральной Азии. Труды музея археологии и этнографии Сибири ТГУ. Томск, 2010а. Т. III. Вып. 1. С. 135 – 148.
14. Ковтун И. В. Особенности андроновской экспансии на юге Западной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. I.
15. Ковтун И. В. От «Письмагоры» до «Огнедышащей горы»: открытие петроглифов и угля в Кузнецкой котловине // Сборник научных трудов ИЭЧ СО РАН. Кемерово, 2010б. С. 36 – 47.
16. Ковтун И. В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. 140 с.
17. Ковтун И. В. Письмагора (История открытия и исследований: 1630 – 1956 гг.). Кемерово: Азия-Принт, 2013а. 159 с.
18. Ковтун И. В. Письмагора: четыре столетия вокруг памятника. История открытий и исследований: 1630 – 1956 гг. // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. С. 14 – 23.
19. Ковтун И. В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013б. 702 с.
20. Ковтун И. В. Шёпот духов (Этнолингвокультурные очерки мифологии нижнетомских писаниц). Кемерово: Азия-Принт, 2014. – 171 с.
21. Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Арчекасский кельт и проблема сейминско-турбинской эпохи Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1. С. 69 – 76.
22. Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Лодка и пятнадцать «пассажиров» // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 2(8). С. 017 – 024.
23. Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Мифокалендарные ритуалы на местонахождении Долгая-1 у Новоромановской писаницы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 2(58). С. 101 – 110.
24. Ковтун И. В., Марочкин А. Г., Девяшин М. М., Русакова И. Д. Osteологические материалы Долгой 1 и истоки мифа о космической погоне // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2011 года. Кемерово, 2011. Вып. 3. С. 112 – 119.
25. Ковтун И. В., Марочкин А. Г., Русакова И. Д. Археологические комплексы в устье р. Долгая и культурно-хронологическая атрибуция петроглифов Новоромановской писаницы // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН. Кемерово: ИП Скобликов, 2010. Вып. 2.

26. Ковтун И. В., Русакова И. Д. Новые исследования и ранее неизвестные петроглифы Тутальской писаницы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. XI. Ч. I. С. 352 – 354.
27. Ковтун И. В., Русакова И. Д., Миклашевич Е. А. Обследование памятников наскального искусства Нижнего Притомья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. XI. Ч. I.
28. Ковтун И. В., Русакова И. Д., Мухарева А. Н. Предварительные результаты расчистки от лишайников петроглифов Новоромановской писаницы // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы // Материалы Международной научной конференции. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011а. Т. 1.
29. Конончук К. В. Источники Г. Ф. Миллера в описании Томской писаницы // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2010 года. Кемерово, 2010. Вып. 2. С. 118 – 123.
30. Конончук К. В. Источники описания Томской писаницы в работах Г. И. Спасского // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011б. С. 97 – 102.
31. Конончук К. В. Рисунки Томской писаницы второй трети XVIII в. История создания и публикации // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011а. С. 92 – 97.
32. Леонтьев Н. В. Антропоморфные изображения окуневской культуры // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск: Наука, 1978.
33. Ломтева А. А. К вопросу о хронологической и культурной принадлежности петроглифов Новоромановской писаницы // Современные проблемы исторического краеведения. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993.
34. Мазин А. И. Таежные писаницы Приамурья. Новосибирск: Наука, 1986. 260 с.
35. Маркодорф Н. М. Образ лося – социокультурный символ в наскальном искусстве лесной зоны Евразии // Международная конференция по первобытному искусству. Т. 1. Кемерово: НИКАЛС, 1999. С. 148 – 151.
36. Марочкин А. Г. О связи петроглифических комплексов Нижнего Притомья с близлежащими археологическими памятниками // Археологические микрорайоны Северной Евразии // Материалы научной конференции. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН; ответственный редактор С. С. Тихонов. 2009. С. 86 – 91.
37. Марочкин А. Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2014. 33 с.
38. Марочкин А. Г., Герман П. В. К археологической карте южных районов Нижнего Притомья. Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). Вып. III. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. С. 78 – 86.
39. Марочкин А. Г., Конончук К. В., Юракова А. Ю. Синеречка-1 – новый хроностратифицированный памятник на юге Нижнего Притомья // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2013 года Институт экологии человека СО РАН. Кемерово, 2013. С. 133 – 138.
40. Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Материалы неолита-энеолита стоянки Долгая-1 (южные районы Нижнего Притомья) // Вестник Новосибирского государственного университета. (Серия: История, филология). 2014. Т. 13. № 3. С. 189 – 201.
41. Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Панкратова Л. В., Сизёв А. С., Щербакова А. В., Фальман А. В., Конончук К. В., Плац И. А. Крохалёвский комплекс поселения Ивановка 1 (южные районы Нижнего Притомья) // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2013 года Институт экологии человека СО РАН. Кемерово, 2013. С. 146 – 152.
42. Мартынов А. И. Лодки в страну предков. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1966. 35 с.
43. Мартынов А. И. О датировке памятников наскального искусства Сибири // Наскальное искусство Азии. Вып. 2. Кемерово, 1997. С. 17 – 24.
44. Мартынов А. И. О принципах датировки наскального искусства Сибири // Актуальные проблемы сибирской археологии: Барнаул, 1996. С. 8 – 13.
45. Медведев В. Е. О культурно-хронологическом соответствии киинских писаниц и поселений // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011.
46. Молодин В. И. Древнее искусство Западной Сибири: Обь-Иртышская лесостепь. Новосибирск: Наука, 1992. 190 с.
47. Молодин В. И. Еще раз о датировке турочакских писаниц (некоторые проблемы хронологии и культурной и культурной принадлежности петроглифов Южной Сибири) // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1993. С. 9 – 18.
48. Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 171 с.
49. Молодин В. И., Ефремова Н. С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 264 с.
50. Молодин В. И., Маточкин Е. П. Вторая Турочакская писаница Горного Алтая // Природа. М.: Наука, 1992. № 8. С. 80 – 83.

51. Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища Томских писаниц. М.: Искусство, 1972. 296 с.
52. Окладников А. П., Молодин В. И. Турочакская писаница // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 11 – 22.
53. Панкратова Л. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Культурный комплекс кулайской культуры в Кузнецком Притомье // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 3(29). С. 108 – 115.
54. Режим доступа: <http://www.gukmztr.ru/index2.html>
55. Студзицкая С. В. Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987.
56. Формозов А. А. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее // СЭ. № 3. 1967.
57. Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству: Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М., 1969. 235 с.
58. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. М., 1971. Ч. 2. 148 с.

Информация об авторах:

Марочкин Алексей Геннадьевич – младший научный сотрудник ИЭЧ СО РАН, comcon@yandex.ru.

Alexey G. Marochkin – Junior Research Associate at the Institute for Human Ecology of the Siberian branch of the RAS.

Конончук Константин Владимирович – магистрант по направлению «Археология Евразии» факультета истории и международных отношений КемГУ, старший научный сотрудник, заведующий научно-экспозиционным отделом музея заповедника «Томская Писаница», konstantinkonon@mail.ru.

Konstantin V. Kononchuk – Senior Research Associate, Head of the Division of Scientific Work and Expositions of Museum-Preserve “Tomskaya Pisanitsa”.

(**Научный руководитель:** *Мухарева Анна Николаевна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии факультета истории и международных отношений КемГУ.

Anna N. Mukhareva – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 07.10.2014 г.